

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАБЕВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО



№ 374

24 декабря 2017 г.

«Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтоб они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби пред собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая: чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» Мф.6:1–4

В приведенных словах Евангелия Господь устанавливает исключительно религиозное значение милостыни. Она имеет отношение только к Богу; она должна совершаться только пред Ним, пред Его очами, как жертва во славу Его. У нас теперь обычный взгляд, что благотворение есть дело гуманности, что оно должно иметь внутреннее отношение только к человеку или к обществу. Когда мы подаем милостыню, мы смотрим на это так, что мы делаем добро человеку, благодарствуем ему. Когда мы жертвуем на какое-нибудь общественное дело, мы думаем, что приносим благо обществу... Мысль о Боге у нас при этом если и есть, то занимает второстепенное место. Поэтому-то естественно, что мы смотрим, как отразилось наше добро в сознании тех, для кого мы его сделали. Мы положили в руки нищему монету – и смотрим, благодарен ли он нам; мы пожертвовали обществу денег – и ожидаем от него признательности. Разговоры о нашей щедрости, статья в газетах о ней, – все это, совершенно понятно, требуется нами, как необходимое следствие нашего доброго дела, если мы делаем его только ради человека. Мы бросили зерно на ниву людей и, естественно, ожидаем всхода на ней, который показал бы нам, что мы бросили не напрасно, что почва благоприятна...

Господь совсем не так повелевает нам смотреть на это. Я и Бог – вот только кто должен быть при благотворении. Я даю милостыню – это все равно, что я приношу жертву Богу. Человек, которому я подаю, это только живой жертвенник. Я должен быть благодарен ему, что он есть, что он около меня, и я могу на нем выразить свою любовь к Богу посильной жертвой. Его признательность или непризнательность – для меня дело постороннее, как качество материала, из которого сделан жертвенник. Он должен быть сделан из хорошего материала, но собственно к моей жертве мысль об этом не имеет никакого внутреннего отношения. Одного

следствия я должен желать: это – чтобы моя жертва была угодна Богу, чтоб Он принял ее. А это тем скорее может быть, чем чище она, т.е. чем менее в ней посторонних мотивов и мыслей о славе и человеческих соображений о благодарности, чем пламенней она устремляется к Богу и только к Нему одному. В священной истории есть картины, изображающие жертвы Каина и Авеля. У Каина дым стелется и разносится по земле, у Авеля же прямо возносится к небу. Может быть, это и, действительно, было знаком, по которому они узнали, что жертву одного Бог отверг, а жертву другого принял. Во всяком случае, у древних народов это было средством узнавать, угодна ли жертва Богу или нет. То же самое может быть приложено и к нашим благотворениям. Худо, если молва о них стелется по земле, разносится ветром газет по всем городам и селам. Хорошо, если они, как жертва Авеля, возносятся прямо к Богу, в чистой, лазурной тишине нашего сердца.

Если мы будем так смотреть на милостыню и на всякую благотворительность, то, само собой разумеется, мы не только не будем трубить о ней во все стороны, но наоборот, постараемся укрыть ее от взоров людей, как мы укрываем все наиболее дорогое и внутреннее, как мы делаем это в отношении самой сердечной молитвы, как мы вообще избегаем посторонних развлекающих взоров людских, когда хотим остаться одни пред Богом.

Понятно тогда и то, что наша левая рука не будет знать того, что делала правая, т.е. что мы ни на один шаг не будем самодовольно останавливаться мыслью на сделанном и придавать ему внешнее значение. Что бы мы ни сделали, – мы этим принесли только Богу жертву и воздали Ему хвалу в данную минуту.

Какая б ни была жертва, – она ничтожна пред Богом и только дорога Ему по мере нашей веры в Него, нашей любви к Нему. Ты положил кусочек ладана в кадиль, ты зажег восковую свечку пред образом: прошел миг – и все сгорело. Большой или маленький кусочек ладана положишь ты, с золотом или без золота поставишь ты свечку, – разве не все равно для Бога, разве пред Ним не вера только твоя ценна, разве Ему не любовь только твоя к Нему дорога? И будешь ли ты останавливаться мыслью и хвалиться пред собой, что ставил большую свечку? Разве она имеет какую-нибудь важность сама по себе для Того, пред Кем светят



миллионы солнц? Разве она не сгорит так же, как и маленькая? Так точно и с благотворениями. Кто приносит ими жертву Богу, тот знает, что много ли, мало ли он принес, – для Бога это равно ничтожно: Ему принадлежит и небо и земля и все богатства вселенной. И потому такой благотворитель никогда не станет останавливаться на мысли о важности сделанного им и только поблагодарит Бога, что в данный миг удалось сильно выразить Ему свою любовь и прославить Его... И в следующий миг он уже заботится о новом прославлении Бога и не думает о прежнем, которое уже прошло, как благоухание кадиль, о котором долго размышлять не имеет никакого смысла.

Кто своему благотворению придает только человеческий, личный или общественный характер, кто пускает свои добрые дела в оборот людских отношений, рекламируя себя, ища благодарности, домогаясь славы, хвалясь пользой, – тот должен знать, что делает он дело человеческое, а не Божье, что он поступает, как, может быть, и хороший язычник, но не как христианин, что плоды его дел не оставят никакого следа в вечности и погибнут вместе со всем шумом и со всей суетой этого мира, что до Бога они не доходят и с исполнением заповеди Христа не имеют ничего общего... Различные толки газет и сообщения о благотворениях так же в существе дела уместны, как отчет о том, насколько кто усердно молится Богу в церкви, как вздохнул и когда перекрестился. Все это дело чисто внутреннее, сокровенное, – дело, которому подобает быть вдали от посторонних взоров, и кто лезет сюда с непрошеным любопытством, тот совершает нравственное преступление. Так и относительно всякого доброго дела: оно должно быть только видом нашей молитвы к Богу, нашего прославления Его имени, нашей Ему благодарности.

Епископ Михаил (Грибановский)

ЧТО ТАКОЕ БИБЛЕЙСКИЙ КАНОН?

Библия стоит на книжной полке – ее можно взять в руки, посмотреть оглавление. Но оказывается, что в разных изданиях список книг, входящих в Библию, может быть не совсем одинаковым. Почему так? Да откуда вообще взялся этот список (его еще иногда называют «каноном»)? Что означает включение в этот список какой-либо книги?

КАНОН – ЭТО ОБРАЗЕЦ

Само по себе слово канон – греческого происхождения и означает «правило, мерило, образец». В Церкви оно употребляется довольно широко: так могут назвать, по сути, любую норму церковной жизни: иконописные каноны определяют правила иконописания, а каноническое право – юридические стороны внутрицерковной жизни. Когда мы говорим о библейском каноне, то имеем в виду список книг, составляющих Священное Писание.

Сегодня нам легко открыть Библию и посмотреть, что напечатано под ее обложкой, но так было далеко не всегда. До изобретения книгопечатания полная Библия вообще была большой редкостью: книги были исключительно дороги, да и при тогдашней технологии том получался очень большим и тяжелым. Поэтому переписывали в основном отдельные книги или сборники, необходимые для богослужения.

Например, старейшее на Руси Остромирово Евангелие (XI в., Новгород) – это вовсе не те четыре текста, которые мы привыкли видеть в современных изданиях Нового Завета, и даже не один из них, а богослужебный сборник Евангельских чтений на разные воскресные дни и праздники, начиная с Пасхи. Такие книги в Средние века встречались чаще, чем привычные нам полные издания библейских текстов, поскольку потребность в них была больше. Действительно, в традиционном обществе Писание существовало прежде всего в контексте церковной жизни, а тех, кто обращался к нему «в часы досуга», было очень и очень немного, хотя бы из-за огромной стоимости книг. Примерно так же обстояли дела и в Палестине времен земной жизни Христа: единственный раз, когда мы видим Его со свитком Писания в руках, – это субботнее чтение пророка Исаи в синагоге.

Но было бы неверно считать, что в те времена к библейскому тексту обращались только отдельные знатоки. Нет, и простые люди, даже неграмотные, могли слышать Писание во время богослужения, в проповедях и беседах, охотно сами нередко цитировали его (зачастую неточно). Христос в своих проповедях постоянно напоминает: «как написано; у них есть Закон и пророки». Это, конечно же, ссылки на Писание. Но Христос никогда не уточняет, какие книги в это Писание входят. Он разбирает множество других спорных вопросов, но только не этот. Таким образом,

можно сделать вывод, что в Его времена никаких существенных разногласий по поводу состава Писания не было.

Так и апостолы, вступая в дискуссии с язычниками или с первыми еретиками, или с не признававшими Христа иудеями, постоянно ссылаются на авторитет Писания – и нигде не определяют его границы. Более того, апостол Иуда Иаковлев в 9-м стихе своего Послания даже пересказывает сюжет из апокрифического «Вознесения Моисея», не входившего в состав Писания (подробнее о таких книгах будет сказано в 5-й главе), и это не единственный пример такой ссылки на неканоническую книгу. Оказывается, апостолы использовали в своей проповеди некоторые книги, не входящие сегодня в состав Писания.

ЧУЖИЕ КНИГИ

Итак, существовал ли во времена Его учеников четко определенный канон? Судя по всему, нет. Люди читали одни и те же книги; но их авторитет, видимо, мог быть несколько различен: одно дело Закон, то есть Пятикнижие, на котором была основана вся жизнь общины, а другое – предание о вознесении Моисея, которое на центральном месте не будет стоять никогда. В середине XX века в пещерах около Мертвого моря, прежде всего в месте под названием Кумран, было найдено много рукописей, которые были туда спрятаны около 70 года н.э., во время неудавшегося восстания евреев против римского господства. Книги в этом собрании были самые разные. В одном свитке могли быть и те псалмы, которые мы сегодня видим в Библии, и другие, не известные нам, но похожие на них. Разумеется, этого слишком мало, чтобы говорить о каком-то особом «кумранском каноне»: в конце концов, и в наши дни издают сборники текстов и молитвословы, где канонические псалмы соседствуют с иными молитвами и гимнами. Да и сами обитатели Кумрана, скорее всего, стояли в стороне от основного направления иудаизма того времени, т.е. от фарисеев и саддукеев, так что их пример не очень показателен.

Когда же появился канон? Естественно, первым должен был возникнуть список книг Ветхого Завета. Иудейское предание, разделяемое и многими христианами, говорит, что это произошло сразу после возвращения израильтян из плена в V в. до н.э., во время деятельности книжника Ездры, но поверить в это довольно трудно: слишком много времени отделяет Ездру от первых перечней канонических книг. Кроме того, мы располагаем Септуагинтой, т.е. греческим переводом Ветхого Завета, который начал создаваться в Александрии Египетской в III в. до н.э. В нее вошли книги, отсутствующие



в современном еврейском каноне: Товит, Иудифь, Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса, сына Сирахова, Маккавейские и др. (именно они сегодня присутствуют в православных и католических изданиях Библии, но отсутствуют в протестантских).

Некоторые из них были написаны сразу по-гречески, но некоторые существовали и в еврейском оригинале – большая часть еврейского текста книги Иисуса, сына Сирахова была найдена уже в наше время.

Разумным представляется такой вывод: главные священные книги у евреев новозаветных времен были везде одинаковыми, но «дополнительный список» мог несколько различаться в разных общинах. Скажем, в Александрии читали книгу Товит, а в Палестине – нет. По-видимому, это всех устраивало, но только до конца I века н.э. В это время Иерусалимский храм был разрушен, книги стали, по сути, самой главной святыней иудеев, а с другой стороны – произошел их окончательный разрыв с христианами. Пусть у тех и других был общий Закон и пророки, но христиане добавили к ним свои собственные священные книги, которые иудеи категорически отказывались признавать.

Судя по всему, именно по этим причинам на рубеже I-II веков окончательно сформировался иудейский канон, а из всех существовавших вариантов текста был выбран один, который сегодня мы называем Масоретским. Насколько мы можем судить, он был самым распространенным в Палестине, но все же не единственным.

Иудеи разделяют Ветхий Завет на «Закон» (по-древнееврейски «Тора»),

«Пророков» («Невиим») и «Писания» («Кетувим»). Название всей Библии образовано первыми буквами названий этих трех частей: ТаНаХ (буква «к» из «Кетувим» в конце слова читается как «х»). При этом иудейское деление книг внутри канона не совпадает с христианским: к «Пророкам» причисляются и ранние исторические книги, а вот Даниила относят к «Писаниям», видимо, потому, что эта книга была написана, когда состав

«Пророков» был уже полностью определен и добавить к нему новую книгу было нельзя.

А.С. Десницкий

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖИЗНИ

Особые условия жизни земли, возможность жизни на ней, делают для нас понятным то, чему учит Библия и что не всегда достаточно ясно трактуется в современной науке, а именно признание «самодетельности» земли. Библейский текст ясно говорит, что Господь повелевает земле действовать своими силами («да произведет земля...»). По словам св. Василия Великого «глагол Божий, о котором повествует Библия, звучит для земли доньше», – это и объясняет нам факт, что земля и ныне является «самодетельной». Эта творческая активность природы, присущий ей, по выражению Бергсона, *elan vital* – устремление к жизни, делает понятным бесспорный факт эволюции жизни на земле. Если, однако, Библия, рядом с призывом земли к самодетельности, упоминает (для каждого библейского «дня») участие Бога в творении новых форм, точнее в указании земле путей к созданию новых форм, то это означает уже ограничение принципа «спонтанной» (т. е. на основе самодетельности) эволюции форм жизни. Современная наука – не по требованиям фактов, а в силу философских предпосылок, лежащих в основе современной науки, упорно стоит на идее «непрерывной эволюции», т. е. не допускает возможности участия Бога в некоторых пунктах эволюции и не видит основания для признания этого. Искание хотя бы схематического построения развития одних форм жизни из других продолжается усиленно, хотя такое «монофилетическое» (т. е. из одного корня) построение не удается. Выведение одних форм из других удается лишь в некоторых пунктах, но для всего бесчисленного разнообразия форм жизни построить такую схему «линейного» развития не удалось и не удастся. Но самый главный и самый первый вопрос, встающий здесь, таков: откуда сама жизнь на земле?

Вопрос о происхождении жизни на земле получил особую остроту после опытов Пастера, которые производились в течение 6 лет (1859–1865) и доказали невозможность «самозарождения» живых существ из неорганической материи. Формула «*Omne vivum e vivo*» («все живое из живого же») или «*Omnis cellula e cellula*» («всякая новая клетка из клетки же») хорошо выражает то, что существует некоторая особая сфера жизни в мире («биосфера»). Правда, и после опытов Пастера защитники «самозарождения» жизни из неорганической материи вовсе не сдались, – и еще недавно один из лучших французских палеонтологов, недавно скончавшийся о. Theillard de Chardin, развивал в ряде выдающихся этюдов и книг идею, что если ныне биосфера замкнута, т. е. «все живое из живого же», то все же возникновение жизни произошло когда-то в порядке счастливого сочетания разных условий, т. е. никакой силы извне не приходится предполагать при этом¹⁷. Мало этого – и раньше, и ныне ставились и ставятся опыты, имеющие в виду связать мир неорганический и органический. В этом смысле любопытны опыты Bastia, Burke, Leduc, Traube и др.¹⁸, которые как



бы приближают мир неорганический к биосфере, – но даже при поверхностном взгляде на это видно, что настоящей биосферы никакими опытами создать невозможно. Все живые существа¹⁹ отличаются, как принято говорить, «автотелией», т. е. они «живут для себя» – питаются, размножаются, как бы движутся силой самосохранения. Каждая клетка ищет того, чтобы «удержаться»; в ней есть, по выражению Бергсона, *elan vital* – стремление жить. Вещи же могут внешне увеличиваться, но они не «питаются», не ищут питания, не размножаются и т. д.

Граница между живой и неживой материей остается непереходимой. Заметим впрочем, что в последние десятилетия установлено существование т. н. «вирусов», которые стоят как бы на грани жизни. То, что можно изолировать эти «вирусы», говорит как бы об их особом независимом существовании, – но фактически отдельного существования вирусов установить доньше не удалось (вирусы находимы всюду при бактериях, как бы паразитируют на них).

Когда-то была высказана и такая гипотеза, – что жизнь на земле была занесена откуда-то из других планет нашей солнечной системы или иных систем, где эта жизнь возникла в порядке эволюции. Эта гипотеза есть, конечно, чистая фантазия, – ибо как бы могли бы быть занесены зачатки жизни откуда-то? И если возникновение жизни загадочно в отношении земли, то загадочность эта вовсе не исчезает, если мы примем гипотезу, что жизнь могла возникнуть где-то в другом месте нашей «галактии». Переход неорганической материи в органическое бытие все равно есть скачок.

В итоге всех этих споров надо признать необъяснимым «естественное» возникновение жизни на земле. Обратим, однако, внимание на то, что в библейском рассказе не говорится, что Бог «создал» жизнь, но что Он повелел земле дать начало растениям и мельчайшим организмам, т. е. только в силу Божьего повеления возникло то, что само собой не могло бы возникнуть. Это и эволюция (ибо земля «произвела» растения и простейшие организмы), а в то же время и «скачок к жизни», который произошел по повелению Божию. Надо признать, что только это и дает нам удовлетворительное и толковое объяснение того, как появилась жизнь на земле.

Лица, знакомые с историей философии нового времени, знают, что впервые Декарт (франц. философ XVII века) вы-

двинул идею, что все организмы, даже высшие (кроме человека) суть «механизмы», т. е., что в них нет внутренней (психической) жизни. Последователи такого механического понимания жизни не исчезли доньше, но отрицать своеобразие биосферы можно только из упрямства. Нам незачем, в отрицании механического понимания жизни, становиться

непрерывно на точку зрения т. н. «витализма», который объяснял особенности живых организмов наличием в них особой «жизненной силы» (*vis vitalis*). Существенно совсем другое – надо признать, что во всех живых организмах есть некое «динамическое начало» (как выражался Г. Спенсер²⁰, и что это динамическое начало имеет психической или (как выражался один из крупнейших неовиталистов Н. Drisch в своей *Philosophie des Organischen*) «психоидный» характер. Невозможность отрицать реальность психической (или «психоидной») сферы даже в простейших клетках побудило в свое время известного ученого Геккеля усваивать психическую сторону и атомам материи (так что при таком понимании нет надобности «выводить» психику из «самодвижения» материи – как это мы находим в т. н. диалектическом материализме), но такой «панпсихизм» (близкий к «монадологии» Лейбница или к аналогичной гипотезе Н. Ф. Лосского о том, что мир состоит из «субстанциональных деятелей») является все же очень рискованной гипотезой, в которой мы имеем дело с чистой фантазией.

Протоиерей Василий Зеньковский

ФЕДОР СОЛОГУБ

Над безумием шумной столицы
В темном небе сияла луна,
И далеких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.

Но толпа проходила беспечно,
И на звезды никто не глядел,
И союз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.

И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от гибели черной
Их вещанья его не могли.

Передрассветный сумрак долго,
И холод утренний жесток.
Заря, заря! раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.

Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передрассветный долгий холод
В истоме раннего пути.

Но кто сжимает пыльный посох
Сухую старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Завороженных тишиной!

Расписание богослужений с 25 по 31 декабря 2017 г.		
25 декабря Понедельник	СВТ. СПИРИДОНА, ЕП. ТРИМИФУНТСКОГО, ЧУДОТВОРЦА	8:30 Утренняя. (полиелей). Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/иерей Александр/</i>
26 декабря Вторник	Мчч. Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/иерей Александр/</i>
27 декабря Среда	Мчч. Фирса, Левкия, Филимона, Аполлония, Ариана и Каллиника	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/иерей Александр/</i>
28 декабря Четверг	СЩМЧ. ИЛАРИОНА, АРХИЕП. ВЕРЕЙСКОГО	8:30 Утренняя. (полиелей). Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/иерей Андрей/</i>
29 декабря Пятница	Прор. Аггея	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/иерей Андрей/</i>
30 декабря Суббота	Прор. Даниила и трех отроков: Анании, Азарии и Мисаила	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
31 декабря Воскресенье	НЕДЕЛЯ 30-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ, ПРЕД РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ, СВЯТЫХ ОТЕЦ	7:45 Молебен с акафистом 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста. <i>/все священнослужители/</i>

И МЫ ТУДА ПОЙДЕМ

Бывает, что когда люди в какое-либо место, город, или на какое-то дело пойдут, другие домашним их или соседям так говорят: «Ваши туда-то пошли или на такое-то дело». А те так отвечают им: «вот и мы туда пойдём». Христиане! И нам эти слова: «и мы туда пойдём», приличествуют, если помнить о нашем исходе из мира. Братья и предки наши отошли от этого мира и в тот век пошли – и мы туда пойдём. Оставили они мир – оставим и мы. Оставили они утехи свои – оставим и мы. Оставили они родственников и друзей своих – оставим и мы. Оставили они дома и весь дорогой убор свой – оставим и мы. Оставили они вотчины и деревни свои – оставим и мы. Оставили они золото, серебро и все свое богатство – оставим и мы. Оставили они саны свои, титулы, имена и всю славу свою – оставим и мы. Оставили они всю роскошь свою – оставим и мы. Словом, все они оставили – и мы оставим все. Ничего они с собою не вынесли – не вынесем и мы ничего. Нагими они отошли от этого мира – нагими отойдем и мы, и отойдем вскоре. Зачем же много трудимся и собираем? Пошли они к Праведному Судии принять по делам своим – пойдём и мы. Ах! Пойдем к Судии всех, к Богу, Который смотрит не на лица, но на совесть и на дела, у Которого цари и подданные их, господа и рабы их, славные и низкие, богатые и убогие, князья и земледельцы, – все равны. К такому Судии на оный век пошли предки и братья наши, христиане – пойдём и мы туда. Высокопочтенные Цари! Предки и братья ваши пошли туда принять свой жребий – пойдете и вы туда, и станете перед Судиею с подданными вашими, и дадите ответ Ему, как управляли вам порученными людьми Его. Вельможи, князья и господа! Братья и предки ваши пошли туда получить мзду свою – пойдете и вы туда, и станете рядом со слугами и крестьянами

вашими перед Судиею, и дадите ответ, как вы с ними поступали. Судьи! Предки и братья ваши пошли туда, к Праведному Судии, ответ дать – пойдете и вы, и будете истязаемы Им, как и вы людей Его судили. Пастыри (епископы и иереи)! Братья и предки ваши пошли в тот век, принять по делам и трудам своим – пойдете, возлюбленные, и вы, и спросит у вас Христос, пастырей Начальник о душах христианских, которых стяжал Кровью Своею. Богатые! Братья ваши пошли в тот век дать ответ, как и на что богатство, им данное, издержали, – пойдете и вы, и о всем нашем имени дадите ответ. Христиане! Все туда идут, и никто оттуда не возвращается – пойдём и мы и не возвратимся. Отошедшие туда, все на своих местах находятся и ждут общего воскресения и последнего суда – пойдём и мы, и будет всякий на своем месте. Покаемся, возлюбленные, и исправим себя, и заранее приготовим себя к часу смертному. Да отойдем отсюда с доброй надеждой, и у Христа Господа получим милость, и так будем на месте покоя, где праведные и святые Его упокоиваются. «Да будет милость Твоя, Господи, на нас, ибо мы уповали на Тебя» 13 (Пс.32:22).

БЕЗОПАСНЫЙ ПУТЬ

Видим в мире этом, что люди с места на место переходят, и бывает один путь опасный, а другой – безопасный. Христиане! Мы от рождения нашего до смерти путники, и стараемся дойти к вечной жизни и царствию Божию, к которому Крещением святым обновлены и словом Божиим позваны. Изберем, возлюбленные, безопасный путь к этому блаженству. Какой путь нам безопасен? Сердечно веровать во Христа и только в страдании и смерти Его полагать свое спасение. На Него одного, как на Икупителя и Спасителя, надеяться. Кроме Него, к получению



вечного спасения, средства не знать, и по примеру Его смиренно, кротко и терпеливо жить на земле. Это безопасный путь. Наставь меня, Господи, на путь этот! Если же ищешь в мире этом чести, славы, богатства, плотоугодия, знай точно, что ты сбился с безопасного пути и идешь путем опасным. Если этому не веришь, прочитай святое Божие слово и прочие христианские книги с прилежанием, – сам узнаешь эту истину. Христиане в этом мире позваны к крестоношению, а не к чести, славе, богатству, плотоугодию. Имеют они свою честь, славу, богатство, радость и сладость, но внутри себя, а не снаружи, – духовное все, а не плотское. Внимай этому, возлюбленный, что вечная Истина, Христос Господь наш, говорит: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф.7:13–14). Видишь, что такое безопасный путь. Этот путь низок и смиренен, но в высокое Отечество, небо ведет. Если хочешь в Отечество прийти, этим иди путем. «Настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истине Твоей; да возвеселится сердце мое бояться имени Твоего» (Пс.85:11).

Свт. Тихон Задонский